

III. МАКРО- И МИКРОИСТОРИЯ В АЛГОРИТМАХ ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

УДК [947+957] “18”

О.Н. Мухин

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР I: К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ ПРАВИТЕЛЯ В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Выявляется специфика процессов модернизации, проводимой Иваном Грозным и Петром I. Делается акцент на различиях в результатах деятельности двух монархов-реформаторов, коренящихся как в отличительных чертах становления их идентичности, так и в особенностях исторической обстановки их правления.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, монархия.

Существует давняя традиция сопоставления Ивана Грозного и Петра I как однопорядковых исторических фигур [1; 2]. И тот, и другой проводили в жизнь ранние проекты модернизации и демонстрировали такие ее типичские для России черты, как направленность сверху, ускоренность, насильственность методов проведения преобразований за счет максимального перенапряжения сил народа, что сопровождалось огромным количеством жертв. Не случайно оба монарха причисляются к сонму жесточайших тиранов в отечественной истории. Однако при наличии целого ряда схожих черт в поведении этих монархов как в частной жизни, так и в сфере управления государством все же есть и существенные отличия, приводившие к различным результатам их деятельности. Говоря в общих чертах, при всех издержках, деятельность Петра оказалась позитивной и результативной, он оставил после себя могущественную державу, тогда как последствия правления Ивана в целом негативны и разрушительны, во многом именно они привели страну на грань катастрофы Смутного времени.

Причины такого различия коренятся как в специфике становления личности царей-реформаторов, так и в особенностях современной им исторической обстановки.

Корни негативных черт личности обоих правителей лежат в их детстве. Важнейшую деформирующую роль в становлении идентичности Ивана и Петра сыграли стрессы, полученные в раннем возрасте в ходе притеснений со стороны правящей элиты и бунтов, сопровождавшихся истреблением их родственников и представителей ближайшего окружения. Однако можно утверждать, что для Ивана все сложилось гораздо хуже, так как определяющей чертой его психики становится базальная тревожность (реакция страха, несоразмерная наличной опасности) [3. С. 34], проявления которой у Петра если и встречаются, то эпизодически и в смягченном виде. Почему?

Если Иван в восьмилетнем возрасте остался полным сиротой, то Петр таким не был, так как его мать умерла, когда ему было двадцать два года,

то есть он получил прививку материнского тепла и, пусть урывками, воспитания. Далее, если сопоставить обстоятельства детства Петра с аналогичным периодом в жизни Ивана IV, то можно утверждать, что «ссылка» в Преображенское в годы регентства Софьи стала для Петра спасением. Оказавшись на свободе в загородных царских резиденциях, он не только был лишен доступа к реальной власти (минус), но и оказался вдали от полной стрессов придворной обстановки, где было много врагов или недоброжелателей (явный плюс). Иван же в раннем возрасте оказался в чуждом окружении, испытывая унижения и оскорбления со стороны бояр, не дававших ему свободы действий. Именно этот сверхконтроль препятствовал развитию у Ивана положительных качеств начальных стадий жизни – автономии, инициативы, трудолюбия, вместо этого приведя к закреплению сомнений в собственной значимости, стыду, чувству вины и неполноценности (терминология Э. Эриксона [4]).

Еще одно важное отличие состоит в том, что Иван, являясь законным наследником престола, гораздо более болезненно переживал отстранение от власти, чувствуя унижительность своего положения. Петр же долгие годы был лишь самым младшим в ряду наследников и, даже получив царский титул в десятилетнем возрасте, совершенно не проявлял интереса к этой стороне своей жизни, во многом благодаря широким возможностям приложения своей энергии (благо до двадцати четырех лет он официально оставался всего лишь младшим соправителем брата Ивана, исправно исполнявшего все официальные придворные церемонии).

Отличительные черты двух царей родились именно из обстоятельств их детства: Петр на всю жизнь стал практиком, предпочитающим физический труд и открытое общение, тогда как Иван был болезненно склонен к раздумьям. В.О. Ключевский пишет об Иване: «В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумались и в зрелом возрасте» [5. С. 97]. Чуть в более позднем возрасте Петр производил на современников не меньшее впечатление своими практическими навыками, будучи знатоком четырнадцати ремесел [6. С. 67].

Отсюда же и различия в отношении к власти. Невозможность долгое время влиять на положение вещей в государстве, зависимость от боярства при понимании своего высокого статуса, оставлявшие возможность лишь размышлять, породили у Ивана болезненное и противоречивое отношение к собственным властным полномочиям в зрелом возрасте. Иван, судя по его поведению, особенно в годы опричнины, как показала И.Ю. Николаева [7], постоянно метался между чувством страха перед Богом и чувством вседозволенности по отношению к подданным.

Петр же всю свою энергию направил на те виды деятельности, которые хотя и не соответствовали царскому положению, но способствовали укреплению его веры в собственные силы. Отсюда вышло его представление о пути выращивания и упрочения своей власти – практическом усилении самодержавия и управляемого им государства. И основания своего могущества он искал не в досужих размышлениях, но в собственной результативной деятельности и в идее служения Отечеству. Петр в значительной мере смягчил

противоречие, обуревавшее Ивана, между рабским положением по отношению к Богу и господским по отношению к подданным, найдя в идеологии своего времени эту идею, требовавшую максимальной отдачи в практических действиях, но не столь морально-обременительной уже в силу своей светскости.

Эту разницу можно продемонстрировать с помощью теории установки. И Иван, и Петр оказались в ситуации кризиса идентичности, причем не только личной, но и социальной (откуда их стремление к реформированию государства и общества), то есть реальные условия окружающей обстановки приходили в несоответствие с единой нефиксированной установкой, важными составными частями которой являлись идеи мессианской избранности, могущества православного Русского царства и неограниченности монаршей власти. И если Петр имел возможность достаточно свободной выработки новых фиксированных установок в рамках своей свободной, творческой деятельности, то Иван так и оставался в плену несоответствий [о различных уровнях установок см.: 8]. Тем болезненнее были те установки, которые все же вырабатывались его психикой и тем более жестко они фиксировались (так произошло с идеей его избранности Богом после взятия Казани) – ведь Иван не привык к поступательной наработке навыков.

И все-таки и Иван, и Петр – фигуры гораздо более авторитарного порядка, нежели, например, Людовик XIV, чьи обстоятельства социализации также были крайне неблагоприятными. Это выводит нас на необходимость обращения к историческому контексту.

Иван IV вззошел на престол на волне успехов государственного строительства. Время правления его деда Ивана III и отца Василия III были периодом окончательного формирования централизованного государства и укрепления власти «государя всея Руси» (так впервые наименовал себя Иван III). Иван получил в наследство вполне определенный жесткий формат отношений правителя и народа (представляется, что вся московская властная традиция, начиная с Ивана Калиты, имела весьма явную авторитарную направленность) [9], что и сделало возможными все крайности его правления, спровоцированные личностными проблемами. Начальный эпизод опричнины – знаменитый отъезд царя в Александрову слободу и последующие переговоры с москвичами о возвращении – замечательный показатель. Ни бояре, ни горожане и не пытались противиться требованию Ивана предоставить ему, как бы мы сейчас сказали, чрезвычайные полномочия именно потому, что авторитарный стиль правления уже стал частью единой нефиксированной установки русского народа. Это позволяет сопоставить российское самодержавие на раннем этапе его существования с восточной деспотией, так как и здесь, и там все подданные – от простых крестьян до виднейших сановников – были одинаково бесправны перед лицом не ограниченного в своих полномочиях государя.

Несколько иная ситуация сложилась в XVII в., который, по сравнению с XV и XVI столетиями хотя и считается в литературе временем зарождения абсолютизма, на самом деле характеризуется ослаблением позиций царской власти как следствием «московского разорения» начала века. Династия Ро-

мановых не могла похвастаться древностью, к тому же являясь избранной, а не «природной» (именно в этом упрекал Иван Грозный некоторых своих заграничных «коллег», подчеркивая собственное превосходство). Нельзя отрицать, что к концу века авторитет царской власти значительно укрепился, однако в целом в этот период в России складывается ситуация, отдаленно напоминающая западноевропейскую – правитель был вынужден более гибко выстраивать свои отношения с подданными. Правда, специфика оказалась все же сильнее – в Русском государстве не было нескольких по-разному социально-ориентированных центров силы, как в Европе с ее глубокими традициями сильной церкви и бюргерской самостоятельности. И Алексей Михайлович, и Федор Алексеевич, и даже сам Петр I вынуждены были учитывать расстановку сил в среде аристократии и лавировали [10], хотя и лишь между ее различными группировками, которые не представляли настоящего альтернативных путей развития для страны, но лишь свое видение продолжения единого магистрального направления – огосударствления и крепостничества. Следующие за Петром монархи будут вынуждены делать все больше уступок дворянству – в этом характерное отличие самодержавия от западного абсолютизма, оно более зависимо, так как само мешает вызревать альтернативным общественным силам, а потому попадает в зависимость от одной опоры – дворянства, от чего западные монархи уходят в период Перехода.

Итак, модернизация Петра I была успешнее Ивановой благодаря более рациональному складу его личности, а также благодаря тому, что к началу XVIII в. Россия была более готова к переменам, о чем свидетельствуют реформы ближайших предшественников Петра. Однако оба варианта отчасти схожи в методах проведения преобразований, обусловленных характерными чертами российской цивилизации – авторитарным социальным характером, отсутствием плюрализма общественных сил и догоняющим вариантом модернизации.

Литература

1. Любарский Я.Н. Царь-мим (к проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М., 1989. С. 56–65.
2. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. XXXVII. Л., 1983. С. 54–78.
3. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 2000.
4. Эрикссон Э.Г. Детство и общество. СПб., 2000.
5. Ключевский В.О. Характеристика царя Ивана Грозного // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 95–106.
6. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
7. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
8. Асмолов А.Г. Об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 1. С. 147–157.
9. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991.
10. Бушкович П. Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.